

Софья Михайловна ЛОЙТЕР родилась в городе Житомире на Украине. Окончила Петрозаводский государственный университет. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Карельского педагогического университета. Автор и составитель книг «Там, за горизонтом», «Русский детский фольклор Карелии», «Где цветок, там медок», «Современный школьный фольклор» (в соавторстве с Е.М.Негловым) и многих статей по литературе и фольклору. В «Севере» печатается с 1960 г. Живет в Петрозаводске.

УЧИТЕЛЬ ИЗ ЗАОНЕЖЬЯ

(Елизавета Васильевна Ржановская)

Памяти фольклориста и писателя
Натальи Павловны Колпаковой

Вот уже почти десять лет это имя, эта личность, это жизнестояние не дают мне покоя, заставляя время от времени возвращаться к ним снова и снова. Такова сила притяжения. А началось все с детского фольклора.

Изучая для готовящегося сборника самую многочисленную и единственную в своем роде в архиве Карельского Научного Центра коллекцию, скрупультно означенную рукой самого собирателя «Детский фольклор. Собран Е.В.Ржановской. 1927-1934. Заонежский район», пыталась ответить на вопросы, как попала коллекция в архив, кто такая Е.В.Ржановская, чем обусловлены ее занятия детским фольклором. Не задуматься над этим не могла: уж очень необычный, даже уникальный материал попал в поле моего зрения. Было ясно, что коллекция создавалась не от случая к случаю, не стихийно и дилетантски, а длительно, продуманно, с основательной предварительной подготовкой собирателя. Поражала сама организация материала, позволяющего увидеть богатство и разнообразие детской поэтической традиции Заонежья. В соединенных вместе двух общих тетрадях в мягкой обложке на 114 страницах, писанных четким учительским почерком, тексты распределены по разделам, которые с незначительными корректировками давали (уже тогда) их жанровую и этнографическую характеристику. Вот

они, эти разделы и соответственно единицы хранения архива: 1. Считалки-корялки — 66 текстов; 2. Дразнилки-назывки — 49; 3. Дразнилки на мальчиков — 93; 4. Дразнилки на девочек — 24; 5. Разные песенки про природу — 16; 6. Приговорки о животных, насекомых и птицах — 16; 7. Песенки в разных случаях — 12; Когда мешают масло, приговаривают — 7; 9. Песенки про праздники — 7; 10. Подражание музыке, колокольному звону — 11; 11. Байканье — 28; 12. Игры-прибаутки — 18; 13. Игры с детьми до 2-х лет — 10; 14. Игры детей более старшего возраста — 5; 15. Игры, в которые еще играют, но редко — 4. Внутри разделов под каждым из 373 текстов, составляющих коллекцию под № 67, значатся год и место записи. Это населенные пункты: Комлево, Пургино, Мягкая Сельга, Кресты, Шоглово, Марковщина, Терехово, Космозеро, Селецкое, Средка, Сенная Губа, Воробьи, Кузнецы, Корба, Кузаранда, Типиницы, Пяльма. Все они есть на Карте Петрозаводского уезда Карельской республики на 15/XII 1924 года», в «Списке населенных мест КарАССР по материалам переписи 1926 г.», «Списке населенных мест по материалам переписи 1933 г.» в составе Сенногубского, Космозерского, Типиницкого, Кижского, Кузарандского сельсоветов. В последнем справочнике «Карельская АССР: Административно-территориальное деление на 1 октября 1982

года» (Петрозаводск, 1982) среди географических названий Медвежьегорского района нет Мягкой Сельги, Крестов, Шоглова, Марковщины, Селецкого, Середки, Корбы, Кузнецова. Ушли в небытие, исчезли как «непреклонные» многие деревни, закрыты школы, нет детей. Тем ощущимее ценность коллекции, сумевшей донести до нас детский фольклор в его живом и полнокровном бытования там, где сегодня его невозможно записать. Когда я говорю о живом и полнокровном бытования, то имею в виду прежде всего тот высокий профессионализм, с каким выполнена собирательская работа Ржановской. Профессионализм – это передача подлинности текста, точное фиксирование его, сохранение всех фонетических особенностей произношения, древних форм винительного падежа личных местоимений третьего лица женского рода, несоответствия падежных окончаний современным литературным и т.д. Приведу одну, но очень выразительную считалку:

Катилася яблуя круг огороды,
Кто ю подыме – тому и в наводы.
Шишеу, вышеу, вон пошоу,
На боярский двор зашоу,
Красну шапочку нашоу.
Кто подыме – того вон.

Итак, кто же стоит за этой замечательной коллекцией? Обратилась к старейшему собирателю фольклора, его историку Александре Павловне Разумовой. Она высказала предположение, что, вероятней всего, Е.В.Ржановская – учительница, что именно среди учителей «слышала такую фамилию в Заонежье».

Начались длительные, теперь уже могу сказать, многолетние поиски и разыскания, работа в архивах Петрозаводска, Москвы, переписка с архивами и музеями, фольклористами, родственниками, коллегами, учениками Е.В.Ржановской, личные встречи, даже телефонные разговоры. Это было время совершенно особой, никогда ранее не переживаемой радости открытия. Открытия замечательного педагога, фольклориста-собирателя, одаренного человека, интеллигента. Накопился огромный разноплановый материал, который выходил далеко за рамки научной, я бы сказала, академической части моей программы.

Первыми документами, ответившими мне на вопрос, кто такая Е.В.Ржановская, были «Памятные книжки Олонецкой губернии». Листаю «Памятную книжку Олонецкой губернии на 1909 г.», изданную Олонецким статистическим комитетом в том же

(!) 1909 году. Нахожу раздел «Училища приходские и городские», Повенецкий уезд, читаю: Шунгское образцовое МНП двухклассное училище Повенецкого уезда: помощница учителя Елизавета Васильевна Ржановская. <...> Сенногубское образцовое МНП одноклассное училище: законоучитель протоиерей Сенногубского прихода Василий Стефанович Ржановский; помощница учителя Пааскева Васильевна Ржановская. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г.», тот же раздел: «Пуданцевоборское уездное одноклассное училище: учительница Елизавета Васильевна Ржановская. <...> Сенногубское двухклассное училище Петрозаводского уезда: законоучитель протоиерей Василий Стефанович Ржановский, учитель Пааскева Васильевна Ржановская». Это же повторяет «Памятная книжка... на 1914 г.» Теперь уже известны не только имя и отчество Ржановской, но и первые сведения о семье и местах работы. Естественно мое желание найти какие-то дополнительные свидетельства, документы, касающиеся отца Елизаветы Васильевны, как сказано в уже цитированной «Памятной книжке... на 1909 г.», «Петрозаводского протоиерея Сенногубского прихода В.С.Ржановского». В двух пакетах Центрального государственного архива Карелии названы дела: одно от 12/III-1894 г. «О назначении священника Сенногубского прихода миссионера Василия Стефановича Ржановского членом со стороны духовного ведомства в Петрозаводский уездный училищный совет» и второе от 18/III-1909 г. «Об увеличении вознаграждения протоиерою Ржановскому за исполнение обязанностей благочинного над Палеостровским монастырем» (оп.1, ф. 25, св.74, с.125 и оп.1, ф.25, св.30, с.62). И хотя оба дела значатся как выбывшие, а значит, уничтоженные по известным причинам, сами сохранившиеся их названия проливают дополнительный свет на личность В.С.Ржановского. Зато «Олонецкие губернские ведомости» (1901, № 116, суббота 13/X) донесли до нас интереснейший материал под названием «25-летний юбилей пастырской деятельности отца В.С.Ржановского». Приведу его с небольшими купюрами: «Отец В.С.Ржановский, священник Сенногубского прихода, Петрозаводского уезда и миссионер 1 округа Олонецкой епархии, завершил в сентябре месяце 25-летие своей службы. И пост не особенно выдающийся, и срок деятельности на нем не поражает своей продолжительностью. Среди блестящих карьер, блестящих умов, блестящих талантов – скромные труженики редко заставляют говорить о себе в печати. <...> Юбиляры-труженики в смысле

ле качества их деятельности составляют у нас чрезвычайную редкость. Еще одна особенность. В юбилейных торжествах сильных и славных редко принимает непосредственное участие коренной элемент государства — крестьяне. Еще реже крестьяне являются инициаторами юбилейного чествования. Чем реже отрадное явление, тем оно заслуживает большого внимания. Мы с радостью отмечаем сегодня один из таких далеко не обыденных фактов.

Крестьяне Сенногубского прихода, по собственному побуждению, отпраздновали юбилей скромного труженика, отца Василия. Вот выдержки из адреса, поднесенного юбиляру прихожанами: «Вы явились в нашей среде не чуждым для нас юношей, а преемником той сердечной привязанности, которую мы питали к глубоко уважаемому родителю Вашему, отцу Стефану. <...> Многосторонняя и просветительская деятельность Ваша, сперва как народного учителя, а затем священника, законоучителя и миссионера во всей полноте и ясности раскрывается перед нами<...>. Если к сказанному прибавить, что Вы решительно отказывались, исключительно из любви к Вашим прихожанам, от всех предлагаемых Вам повышений, оставаясь среди нас на скромном посту сельского пастыря, высоко держа его земля, — то без преувеличений можно сказать, что мы, Сенногубские прихожане, празднуем сегодня великий праздник». Присоединимся же и мы, читатель, к выраженным в приведенном адресе пожеланиям человеку, трудящемуся на пользу нашего родного края».

А это уже из письма (октябрь 1987 г.) внука — Валерия Васильевича Ржановского, учителя из Медвежьегорска, о котором я еще скажу особо. «Родилась Елизавета Васильевна в августе 1888 года. Ее отец, Ржановский Василий Стефанович, в то время был учителем и заведовал церковно-приходской школой. Это был образованный человек своего времени. Он с отличием окончил духовную семинарию и духовную академию. <...> Среди местного населения он пользовался большим авторитетом. Умер в Сенной Губе в 1934 году. Свои просветительские стремления дед сумел передать детям. Из двенадцати детей одиннадцать стали педагогами. Самая старшая в семье Клавдия Васильевна окончила в Петрозаводске епархиальное училище и всю жизнь проработала сельской учительницей. Ее дочери Галина и Мария тоже стали учительницами. Все дочери деда: Ольга Васильевна, Анна Вас., Елизавета Вас., Параксавья Вас. и Валентина Вас. всю жизнь проработали учителями. Старший сын деда Николай

Вас. после окончания с отличием духовной академии поступил и окончил Тартуский университет, защитил докторскую диссертацию, стал профессором биологии в Ленинградском университете. Он был генетик, учился и работал вместе с Вавиловым. В 20-30-е годы был директором Сиверской сельскохозяйственной научной станции, где рядовым агрономом стал работать Лысенко, сыгравший весьма трагическую роль в судьбе моего дяди и Вавилова. Сыновья Иван Вас., Виктор Вас., Владимир Вас., мой отец Василий Вас. стали учителями».

Нет необходимости говорить о том, почему Василий Стефанович Ржановский, отец 12-ти детей, «в первые годы революции, — как пишет его внук, — отрекся от сана священника». И это не помогло. Шлейф «поповские дети» долго тянулся за молодыми Ржановскими, которым довелось немало натерпеться. Отозвавшаяся на мою просьбу М.Ф.Коваленко, в прошлом заонежская учительница, сначала ученица Ржановских, а потом коллега, ныне живущая в поселке Земляничное в Крыму, в своем письме на 16-ти страницах рассказала и о том, как в 1930 году в Сенной Губе комитет бедноты, куда входила и ее мать, «вынес решение о раскулачивании Ржановских, дескать, отец и дед были священниками», и все было уже согласились. «И когда мой отец вступил в, — пишет М.Ф.Коваленко, — и его поддержал представитель из района: мол, это семья работников просвещения — 9 из 12-ти детей работали учителями, их вычеркнули из списка». В другом письме, явившемся откликом на публикацию «Дорогая Елизавета Васильевна» в «Ленинской правде» (16 марта 1991 г.), петрозаводчанин Андрей Васильевич Тимофеев, рассказывая о своем «самом любимом», «замечательном» учителе в Великой Губе Викторе Васильевиче Ржановском, которому сохранил «благодарность на всю жизнь» и «хотел бы поклониться за все на его могиле», пишет: «Дети священника — это сейчас хорошо говорить, а тогда... Сколько бедный Виктор Васильевич испытал на себе. И тогда поговаривали ребята, мол, это «поповский сын».

Но вернемся к Елизавете Васильевне, которую мы оставили в 1914 году учительницей Пуданцевоборского одноклассного училища. Как дальше складывалась ее педагогическая деятельность? В Центральном государственном архиве Карелии листаю многочисленные папки школьного управления Народного комиссариата просвещения, вчитываясь во все, что связано с Медвежьегорским районом, особенно Повенецким уездом. И вот, на первый взгляд, малозначительные документы — «Требовательные ве-

домости отдела народного образования при Повенецком уездном совете крестьянских и рабочих депутатов на выдачу содержания учащим школ 1 ступени» за 1918-1919 годы. В большом списке глаз выхватывает: «Учительница Пуданцевоборской школы Е.В.Ржановская — основное жалование... + пятилетняя прибавка, всего 423 р.50 коп.» — это за II пол. ноября 1918 г. (ЦГА Карелии, оп.1, ф.658, п.48, ед.хр.10, с.2). Место работы Елизаветы Васильевны то же, Пуданцевый Бор, только одноклассное училище стало школой 1 ступени, или, как теперь принято говорить, малокомплектной школой. В «Бланках статистических сведений» за эти же годы значатся учителя Великогубской школы 1 ступени В.В.Ржановский, Слобовской школы О.В.Ржановская. Некоторое время спустя — отчетные документы, подписанные заведующим Типиницкой школы 1 ступени Вл.В.Ржановским, заведующим Леликовской школы 1 ступени Викт. В.Ржановским (это о нем, ставшем позднее учителем Великогубской школы, писали и говорили мне благодарные ученики), заведующим Чёлмужской школы 1 ступени Вас.В.Ржановским. Все они, родные братья и сестры не только по крови, но и по духу, «с младых ногтей» подготовленные к тому, чтобы видеть в педагогической деятельности священное действие. Иначе не было бы в маленьких школах заонежских деревень тех замечательных литературных вечеров, которые до сих пор помнят многие, не было бы спектаклей с десятками ролей, сыгранных самими учителями, не было бы кружков рисования и струнных инструментов.

И опять к Елизавете Васильевне. Два документа — «Отчет Комлевской школы 1 ступени за 1925 год» (ЦГА, оп.1, ф.658, п.25, ед.хр.62) и «Отчетная ведомость Комлевской школы Космозерского с/с за 1930 г.» (ЦГА, оп.1, ф.630, п.57, ед.хр.468), подписанные ее заведующей Е. В. Ржановской. Особенно интересна и важна последняя, из которой стали известны многие факты жизни Елизаветы Васильевны: образование — Петрозаводское епархиальное училище, общий педагогический стаж — 23 года (следовательно, начало работы в Шунгском Бору — 1907 год), стаж работы в данной школе — 5 лет 7 месяцев, значит, в Пуданцевоборской школе Е.В. проработала до 1924 г. Любопытны сведения отчета об учебной части и учебном процессе, характеристике школьного помещения и школьного хозяйства, где есть такие вопросы: «Нормально ли проводится отопление школы?» и «Не проходят ли занятия в верхнем этаже?», о наглядных пособиях, библиотеке и выписываемых изданиях, врачебно-санитарном надзоре

(напр., в каком виде поступает вода для питья учащихся, в сыром или кипяченом, закрытой или открытой посуде?), организации управления школой, о проверках и посещениях школы и др. Особо хочу остановиться на сведениях отчета о количестве учащихся и характеристике микрорайона школы, потому что, как я уже говорила, сегодня нет и большинства из этих деревень и этих школ. Всего учащихся: 29 человек (1 класс — 20 человек, 3 класс — 9 человек). Микрорайон: Комлево (при школе) — 95 жителей, 8 учащихся, 6 мальчиков, две девочки; Пургино (полкилометра от школы) — 103 жителя, 6 учащихся, 2 мальчика, 4 девочки; Кресты (1 км от школы) — 36 жителей, 3 учащихся, мальчики; Шадрово (2 км от школы) — 31 человек, 3 учащихся, 2 мальчика, 1 девочка; Мягкая Сельга (2 км от школы) — 104 жителя, 4 учащихся, девочки; Марковщина (5 км от школы) — 116 жителей, 5 учащихся, 4 мальчика, 1 девочка (эти населенные пункты многократно повторяются в фольклорной коллекции Ржановской). Уже из этих ответов на официальные вопросы отчета вырисовывается личность заведующего и учителя (в одном лице), работавшего высоко профессионально, спокойно и несуетно, без оглядки на комиссию и проверки, которых, как явствует из той же бумаги, почти не было.

Пытаюсь найти какие-нибудь материалы, документы о дальнейшей педагогической деятельности Ржановской. Делаю запрос в Медвежьегорский районный архив, откуда получаю ответ от 25/IX-87 г., что «документов за военные годы на хранении не имеется, поэтому никакими сведениями о работе Ржановской Е.В. архив не располагает». Не располагает никакими документами военных и послевоенных лет учителей Медвежьегорского района и архив Министерства просвещения Карелии. Зато архивариус А.П.Карпенко (уже ушедшая из жизни, это был 1987 г.) находит личные дела ныне работающих в Медвежьегорске супругов Валерия Васильевича и Тамары Алексеевны Ржановских, которые, по ее предположению, являются родственниками Е.В.Ржановской. Пишу в Медвежьегорск Ржановским, и очень скоро их сын, тогда студент педагогического института, Александр Валерьевич, внучатый племянник Е.В.Ржановской, привозит большое письмо Валерия Васильевича (часть его я уже приводила) и целую папку с хранящимися в семейном архиве реликвиями.

Не могу не сделать отступление, чтобы не сказать хотя немного о Валерии Васильевиче Ржановском, племяннике Елизаветы Васильевны, испытавшем еще в детстве ее

сильное духовное влияние. Более 40 лет проработал он в школах Карелии, 14 лет заведовал Сенногубской школой, потом был директором и учителем Медвежьегорской средней школы, где продолжает работать. Заслуженный учитель Карелии. Мы много лет переписывались с Валерием Васильевичем, и его письма оказывали мне неоценимую помощь в разысканиях. Недавно на организованном Министерством народного просвещения Карелии вечере учительских династий, где были и племянник Елизаветы Васильевны Борис Иванович Ржановский, увлеченно создающий генеалогическое древо своего рода, и Александр Валерьевич, состоялась моя встреча с Валерием Васильевичем. Я увидела красивого, статного, несмотря на возраст и пережитое, умного и интеллигентного человека, одним словом, Ржановского.

В упомянутом письме, перечисляя уже известные нам места работы Елизаветы Васильевны, Валерий Васильевич вслед за Колмевым называет деревню Середка в Кижах и сообщает: «В нашем городе живет учительница-пенсионерка, заслуженный учитель школы РСФСР Колганова Евдокия Константиновна. Она после окончания Петрозаводского педучилища работала в Кижах вместе с Елизаветой Васильевной, которую считает своим духовным наставником. По моей просьбе она напишет Вам письмо». Письмо Евдокии Константиновны (потом пришло от нее еще несколько) не заставило себя долго ждать. Стало ясно, что в 30-е годы (примерно с 1932) до самой Великой Отечественной войны Е.В.Ржановская — заведующая и учитель Середкинской начальной школы Кижского сельсовета. Е.К.Колганова пишет: «Постараюсь поделиться с Вами воспоминаниями о Елизавете Васильевне Ржановской. Воспоминания мне дороги и потому, что я родилась в деревне Середка, там прошло мое детство и школьные годы (1923-1927 гг.), там моя малая родина. Мон первым учителем был замечательный педагог Д.И.Приезжий. В начальных классах у меня появилась мечта стать учителем, таким, как Дмитрий Иванович. Моя мечта сбылась. <...> Не знаю, как сложилось бы начало моей учительской биографии, не попади я в школу под руководство таких педагогов-наставников, как Ржановский Владимир Васильевич и Ржановская Елизавета Васильевна. Это были учителя с высоким уровнем профессиональной подготовки, настоящие воспитатели, интеллигенты, одержимые, самоотверженные. <...> С 1932 по 1934 год я работала в Жарниковской начальной школе Кижского сельского совета. С 1934 учебного года —

заведующей Кургеницкой начальной школой. Ржановская Елизавета Васильевна заведовала Середкинской нач. школой. Наши школы находились на расстоянии 4 км. Это были годы сотрудничества с Елизаветой Васильевной во всей нашей педагогической деятельности. Сотрудничал и весь наш ученический коллектив. <...> Я старалась перенять опыт такого мастера-педагога. ...Уроки чтения в начальных классах она считала главным учением. Систематические навыки чтения прививала детям с 1 класса. Интересно было поставлено внеклассное чтение: раз в неделю, в субботу, проводила обзор прочитанных книг детьми. Дети любили эти занятия, готовились к ним, как к литературным праздникам. <...> Для художественного воспитания использовались репродукции картин Репина, Серова, Саврасова. Создала свою «малую галерею». <...> С 1934 г. я часто навещала Елизавету Васильевну. Она с большой радостью принимала меня в своей скромной уютной квартирке (в здании Середкинской начальной школы), угощала ароматным чаем с печеньем. Чай она очень любила, прекрасно его готовила. <...> Вспоминаю ее маленькую, подвижную спортивную физрукку. Она не любила сидеть на месте, больше прохаживалась быстрыми шагами по комнате. <...> Однажды мы с ней гуляли по берегу озера деревни Кургеницы. Елизавета Васильевна остановилась у стариинного вяза (в народе это дерево называется ильмом) и сказала, что эти деревья растут только здесь, в Кижах, в других местах Карелии их не встретишь, и добавила, что занимается фольклором, хотела бы через народные приметы и поговорки установить их историю произрастания в нашем крае. <...> А какое удовольствие мы испытывали, катаясь на лодке по озеру! Любимым занятием были рыбалки (ловили рыбу удочкой). Рыбалкой Елизавета Васильевна занималась и в Сенней Губе в 60-е годы». «Любила она удить рыбу, причем всегда ставила лодку на одно и то же место. Старожилы и теперь называют его «место Е.В.» (Из воспоминаний племянницы М.В.Балагуровой, в прошлом преподавателя, кандидата биологических наук, присыпавшей мне письма в течение нескольких лет из подмосковного Зеленограда, летом 1995 г. ушедшей из жизни).

В последних строчках этих воспоминаний уже называется Сенная Губа. Сюда Елизавета Васильевна вернулась в 1944 году из эвакуации (Молотовская область), здесь в Сенногубской школе проработала свой последний 1945/1946 учебный год. Отсюда в 1946 году вышла на пенсию. А в школе продолжала работать сестра, друг, самый близкий человек, с кем и прожили они в ро-

дительском доме до последних своих дней (Е.В. умерла 23 августа 1975 года), Параксекова Васильевна Ржановская. У нее была репутация тихой, сторонящейся лишних разговоров, пересудов женщины. Из воспоминаний М.Ф.Коваленко: «Однако был случай, когда тихая Параксекова Васильевна поставила на место мою мать. А что такое моя мать, я Вам немного опишу. Ее в деревне боялись все — такую революционерку. А она уж была такая активистка, что для нее никаких границ и правил не существовало. Бывало, по всем собраниям ходила, дескать, советская власть требует — надо идти. И чуть что, так прямо и скажет: «Ах ты, кулацкая ты морда, белогвардейский ты выродок! Нуун не ваша власть — наша! Вот чека приедет!» И все замолкали сразу. И вот такую «революционерку» сумела поставить на место тихая Параксекова Васильевна. Было это осенью 1929 г. (еще до организации колхоза). Я пошла в 1-й класс. Был у нас маленький ребенок. Мать, как советская барыня, встанет, бывало, поздно и пойдет управляться со скотиной, а меня заставляет кашать ребенка. И я всегда опаздывала в школу. Вот, наконец, Параксекова Васильевна и говорит: «Манюшка, если завтра опоздаешь, так и не приходи уж на занятия совсем». На другой день я проснулась пораньше, оделась, взяла на плечо сумку (тогда мы ходили в школу с холщовыми сумками) и начала красться к двери, чтобы уйти, пока мать спит. А мать проснулась и заставила опять кашать ребенка. Я кашаю, смотрю в окно, буквально читаю. <...> Наконец, мать и говорит, что шла в школу. А я отвечаю, что не пойду — Параксекова Васильевна не велела, если опоздаю опять. Ох, тут она аж вскинулась: «Ах, она поповья дочка, я ей покажу!» И отправляет меня. Я же не иду и ворзьми и скажи ей, что она ленится вставать, а я каждый день из-за нее опаздываю. Ох, тут она хватает палицу.<...> Я ж плачу в голос. Так приволокла к школе. Ну, тут я уж пошла не упираясь. Она открыла в класс дверь и вызвала Параксекову Васильевну. Та, как глянула, сразу все поняла, отправила меня в класс, а сама стала с ней разговаривать. Потом пришла, погладила меня по голове, уговорила, чтоб не плакала. Скоро урок кончился... Все ушли, а я сижу в классе и думаю, куда идти. <...> Параксекова Васильевна в учительской проверяла тетради. Когда пошла домой, заглянула в класс, взяла меня за руку и повела домой. Привела. Мать привглашает садиться. Она же, не отвечая, сказала матери твердо: «Ольга Ивановна, чтоб Марусю больше не были и чтоб Маруся в школу больше не опаздывала». Повернулась и ушла. И мать моя сразу приутихла. Я

на всю жизнь запомнила этот случай». Рассказывая с неменьшим энтузиазмом о Елизавете Васильевне уже как о коллеге, выделявшейся знаниями, высокой культурой, М.Ф.Коваленко называет ее «гордой и требовательной».

«Какой я помню тетю Лизу? Небольшого роста, худенькая, очень подвижная, веселая, порой замкнутая, в суждениях резкая, остроумная, с прекрасной памятью. Она живо интересовалась общественно-политическими вопросами, была в курсе основных событий дня. Ее глубоко волновали негативные явления в жизни деревни: пьянство, воровство, нерадивое отношение людей к земле, к скоту и др. И все это она резко высказывала окружающим ее людям, что не всем, конечно, нравилось. До войны она почти каждое лето путешествовала. Несколько раз ездила на Кавказ, в Крым, по Волге, была в Мурманске. ... Тетя Лиза очень любила цветы. Летом она неустанно трудилась в своем саду, выращивая там различные виды георгинов. <...> Тетя Лиза хорошо рисовала. Я помню, она сделала копию с картины «Святая Цецилия» (из воспоминаний М.В.Балагуровой). Рассказ другой племянницы, Г.В.Феклистовой, тоже бывшей учительницы (она скончалась несколько лет назад), записанный мною с ее слов в октябре 1987 года на квартире на Октябрьском проспекте, дополняет воспоминания М.В.Балагуровой: «Мое первое воспоминание: мы с сестрой и тетей Лизой сидим на диване, она обняла нас и рассказывает нам сказки. Она сочиняла сказки с продолжением. Сказки очень хорошие. ... Мне было 6-7 лет. Я у нее зиму жила в Шунгском Бору. Сидела у нее на уроках. Дасть картинку: смотри и сочиняй. Позже она говорила мне, когда я уже стала учительницей: «Детей надо научить любить книгу и мечтать». Помню, что она занималась рисованием, ребят учила рисовать, посыпала детские рисунки в журналы. Помню большую тетрадь пословиц и поговорок заонежских — по алфавиту. Помню, как Балагуровы приглашали ее на зиму в город, когда она уже осталась одна и плохо видела. — «Нет, я Сенной Губы не оставлю». А однажды пошла с Марией Васильевной на теплоход, а комета не поехала. Она и сказала: «Сенная Губа меня не отпускает». Вероятно, такую привязанность к родному дому, месту, привычным вещам имел в виду Д.С.Лихачев, когда писал о «нравственной оседлости».

Почти все воспоминатели Е.В.Ржановской говорят о ее начитанности, большой читательской культуре. «Всю жизнь она много читала, много знала» (Е.К.Колганова). «Тетя Лиза много читала. Она говорила

мне, что прочитала все книги в Сенногубской библиотеке» (М.В.Балагурова). Но больше всего об этом свидетельствует дешедший до нас Дневник Елизаветы Васильевны, о котором еще пойдет речь ниже. В нем много литературных имен, названий, раздумий и размышлений о прочитанном. Чтение и перечитывание — одно из постоянных занятий Ржановской, думающего, благодарного читателя. Убеждена: оно первооснова ее творческой натуры, удивительно простого и очень духовного жизнеустройства. «День мой обычно проходит так: встаем в 9-м часу, пьем чай, и Паша (Параскева Васильевна, она еще работала, а Е.В. находилась на пенсии. — С.Л.) уходит в школу. Я хозяйничая, убираю комнату, готовлю обед, колю дрова. Около 2-3-х обедаем. После обеда, иногда лежа в кровати, пока светло, читаю или шью. В 4 ч., а теперь уже в 5 ч. зажигаем огонь, пьем чай, и я принимаюсь за чтение до 12 ч., иногда до 2-х часов».

Вдумываясь в ставшее теперь известным о Елизавете Васильевне, представляя ее, как любил говорить замечательный историк культуры Н.П.Анциферов, «целокупно», понимаю, как неординарна и многогранна была эта учительская личность, насколько она опередила свое время и в глубинке делала то, что сегодня остается желаемым для нашей школы. Маленькая школа из 15- 28-и учеников начальных классов, где бы она ни находилась, — в Пуданцевом Бору, Комлеве или Середке, оказывалась своеобразным духовно-нравственным центром со своим особым биополем. Здесь шла повседневная, отложенная, высокопрофессиональная работа, одухотворенная самостоятельным взглядом, выбором учителя, свободным, не регламентированным подходом к учебному процессу. В этой школе многое сочиняли, слушали слово и учились слышать его, рисовали, импровизировали. В школе Ржановской царило, властвовало творчество, а оно имеет не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Ему сопутствует не перенимание чужого, а собственное самопознание, собственное самообразование, самоуглубление и созерцание как момент духовной активности. Творчество — дух, воздух, температура жизни учителя и подопечных Ржановской.

Теперь, когда читатель хорошо представляет себе открытость Елизаветы Васильевны Ржановской знанию и культуре, ее расположенность ко всему сущему, становится понятным ее серьезный, продолжающийся многие годы интерес к фольклору, занятия

им. Это так естественно для Ржановской, которая родилась, формировалась, учительствовала в крае, где прошла жизнь выдающихся сказителей прошлого века, откуда родом классик былинного сказительства Трофим Рябинин, где жило несколько поколений этого сказительского рода. Немаловажно и то, что в Заонежье, как нигде в Карелии, была традиция участия учителей в собирании фольклора, изучении его. Начало ей положил учитель Петрозаводской Марининской гимназии П.Т.Виноградов, сыгравший огромную роль в судьбе Ирины Федосовой. Кузарандский учитель Ф.И.Прохоров вспоминает: «В эти годы (1895-1896) приезжал в Кузаранду Виноградов Павел Тимофеевич... Советовал записывать былины и передавать ему... Виноградов специально объезжал Заонежье, беседовал с учителями и врачами, возбуждал интерес к народному творчеству» (К.В.Чистов. Ирина Андреевна Федосова. Петрозаводск, 1988. С.47-58). Сказки своей матери записывал космозерский учитель П.Коренной, составивший первый в стране после 1917 г. сборник «Заонежские сказки» (Петрозаводск, 1918). О помощи учителей Заонежья в фольклористических исследованиях рассказала в своей книге «У золотых родников» (Л., 1975) и в письмах ко мне Н.П.Колпакова — известный российский фольклорист, участница экспедиции в Карелию в 20-е годы: «Наши «старшие» очень часто завязывали связи с местным учительством. И, конечно, общение с нашей экспедицией могло заразить фольклорными интересами многих местных педагогов». Между тем из обнаруженного мною письма Е.В.Ржановской (от 18/VIII-1934 г.) в этнографо-лингвистическую секцию Карельского научно-исследовательского института становится ясно, что ее занятия фольклором начались значительно раньше и относятся примерно к 1918 году. В этом письме она сообщает: «1. По детскому фольклору у меня имеется: сказки, игры деревенских детей по возрастам и сезонам и кое-что записанное за последние месяцы по разным разделам. 2. По фольклору взрослых есть довольно значительный материал: старинные игры, свадебный обряд (полностью), исторические песни, загадки, пословицы, скороговорки, заговоры, частушки и т.д. Есть многое, но необходимо привести все в надлежащий порядок, т.к. я веду записи в продолжение 15 лет». Сразу скажу, что сказки из детской коллекции и почти все названные материалы из фольклора взрослых не обнаружены. Нет их ни в архивах Карелии, ни московских — Центральном государственном архиве литературы и искусства, литературном

музее, Институте мировой литературы. Тогда я решила обратиться к материалам и изданиям Заонежских экспедиций.

Известно, что в 20-е годы Заонежье оказалось своеобразной фольклорной Меккой. В 1926 году (время работы Ржановской в Комлеве) в Заонежье состоялись почти одновременно три фольклорные экспедиции, руководимые крупнейшими учеными страны. А.И.Никифоров, используя «метод сплошной записи», изучает состояние севернорусской сказочной традиции Мезени, Пинеги и Заонежья. Большая комплексная экспедиция Ленинградского государственного института искусств, возглавляемая А.М.Астаховой и К.К.Романовым (в ее состав входили тогда молодые фольклористы Е.В.Гиппиус, И.В.Карнаухова, Н.П.Колпакова), записывает и исследует произведения разных жанров и видов народного искусства. И, наконец, экспедиция братьев Б.М. и Ю.М.Соколовых «по следам Рыбникова и Гильфердинга», ставившая специальную задачу — сориентацию былевого, эпического материала с целью изучения его изменений. Главный итог трех этих экспедиций — очень известные фундаментальные научные фольклорные собрания: «Севернорусские сказки в записях А.И.Никифорова» (издание было осуществлено после смерти собирателя В.Я.Проппом и вышло в Ленинграде в 1961 году), подготовленные А.М.Астаховой два тома «Былин Севера» (М.; Л., 1938, 1951) и том «Летописи: Онежские былины», составленные Ю.М.Соколовым, но изданные после его смерти В.И.Чичеровым в Москве в 1948 году. Из их научного аппарата, примечаний, комментария к текстам становится ясно, что все три экспедиции прошли непосредственно через Комлево и Сенну Губу. Естественно, не знать этого Елизавета Васильевна не могла. Более того, среди 8 исполнительниц-сказочниц, записанных Никифоровым, три — девочки школьного возраста, а значит, ученицы Ржановской. Одна из них — внучка Пелагеи Никитичны Филипповой. От этой сказительницы А.М.Астахова записала две былины — «Женитьба князя Владимира», «Добрыня и Настасья Микулишна», полностью включив их в свое собрание. Создавая портрет сказительницы в статье «Былина в Заонежье» в сборнике «Крестьянское искусство в СССР» (Л., 1927), а затем в предисловии к «Былинам Севера» Астахова пишет: «Недоверчивая и суровая старуха, она долго отказывалась петь, а согласившись, привычным жестом пододвинула к себе прялку и прекрасным звучным и полным голосом запела свою былину. Я слушала ее три раза, и изменения в тексте почти никакого, за ис-

ключением некоторой перестановки частиц, которые вставляются в текст для сохранения определенного ритма. И каждый раз та же поза: на лавке за прялкой. Сказать былину словами без напева она не может. Кажется, тесно слились вместе слова, напев и ритмические движения пальцев вокруг кудели». «П.Н.Филиппова является типом сказителя, уверенного в себе, владеющего твердым текстом, четким былинным ритмом и соответствующим твердым напевом. Кроме былин, мною записан еще стих о Егории Храбром (мученике Егории) и легенда о пустыннике, а А.И.Никифоровым — несколько сказок. <...> Сказки сообщала Филиппова с большой охотой. По вечерам рассказывала она их внукам, из которых девочка Шура 11 лет уже усвоила от нее несколько сказок. Былины же Пелагея Никитична таила от окружающих, боясь насмешек и осуждения, и исполняла их для себя за работой. Других, кроме публикуемых, по ее словам, не знала». Заметим, записи опубликованных Астаховой былин, что следует из комментария к ним, сделаны 28 июня 1926 г. А 30 июня началась в Заонежье экспедиция братьев Соколовых, возлагавших большие надежды на «деревенскую интеллигенцию, местных краеведов», которые, считали они, как никто, «способны использовать стационарный метод собирательской работы». Среди местных краеведов особенно выделяли Соколовы учителей: «Больше всего может фольклористам дать, как всегда, народный учитель», — писали они в своей книге «Поэзия деревни: Руководство для сориентации произведений устной словесности» (М., 1926). Такая программа Соколовых, ориентированная на сельскую интеллигенцию, не могла не найти отклика у Ржановской и готовности к соучастию, сотрудничеству. «В конце 20-х годов... я ежегодно проводила летние каникулы в Сенной Губе, в доме деда. В ту пору тетя Лиза усиленно занималась сбором фольклорных и краеведческих материалов. <...> Мне помнится, что она общалась в эту пору с профессором Соколовым. Где собранные материалы, я не знаю. Возможно, они погибли во время войны. А может, часть из них она передала профессору Соколову» (из воспоминаний М.В.Балагуровой). Не знаю, что из собранного Ржановской во время войны погибло, но эпические песни, записанные ею и переданные Ю.М.Соколову, навсегда остались в нашей фольклористике. В сборнике «Летописи: Онежские былины» в разделе «Кижи. П.Филиппова» читаю следующую прембулу: «Филиппова Пелагея, 73 г., из деревни Комлево на Онежском озере. Былины записаны Е.В.Ржановской. О вариантах старин-

«Братья-разбойники и сестра», «Казань-город», песен «Платов» и «Смерть Александра I», спетых П.Филипповой, см. в примечаниях». Далее следуют под №№ 119-121 тексты «Старина про Владимира Красно-Солнышко», «Старина про Добрынюшку (Добрыня и Алеша Попович)» — эти два абсолютно идентичны записям Астаховой, — «Иван Грозный и сын». Варианты четырех уже названных эпических песен подробно описаны и прокомментированы в Примечаниях. Как видим, Ржановской удалось записать от «недоверчивой и суровой» Филипповой пять новых, а всего 8 эпических песен, которые сказительница ранее никому не сообщала. Совершенно очевидно, что, познакомившись с Ю.М.Соколовым и программой этой экспедиции, Е.В.Ржановская, зная психологические особенности односельчанки, взяла ее, что называется, на себя и добилась того, чего не смог добиться профессиональный собиратель-фольклорист А.М.Астахова. А сам факт включения записей Ржановской в столь серьезное и авторитетное издание эпоса говорит об уровне ее собирательской работы, соответствовавшей текстологическим требованиям фольклора и донесшей подлинность устно-поэтического произведения. Приведу отрывок из былины про князя Владимира:

Во стольнем во гради было Киеви,
У ласкового князя у Владимира,
Забрау ён себи да почёсной пер.
Вси на перу тут напивалиси,
Вси на перу да наедалиси,
Тут ёны вси да порасхвасталиси,
Той-то тым, иной-то иным.
Князи похвастались золотом,
Бояры похвастались серебром,
Умной похвастау отцом-матерью,
Безумной похвастау молодой женой.,
Соунышко Владимир стольно-Киевский
По перу, по пиру похаживау,
Ножку об ножку поколачивау...

Остается добавить: запись каждого, в том числе повторного или даже дефектного эпического текста в XX веке, эпоху разрушения и полного исчезновения этой традиции, большая ценность для фольклористической науки. Именно в таком контексте можно понять сделанное Е.В.Ржановской.

К 1927 году относится начало (это первая дата на коллекции) собирательской деятельности Ржановской в области детского фольклора. Полагаю, что один из непосредственных импульсов этой работы связан с общением с Соколовыми, в уже упомянутой

книге утверждавшими: «Народный учитель имеет всегда перед глазами богатый этнографический материал в лице учеников своей школы. <...> Именно положение народного учителя завидное — он всегда располагает армией рассказчиков, которые в состоянии натолкнуть его на любопытные факты».

К этому следует добавить еще одно обстоятельство. В 1928 году при Русском Географическом обществе была создана специальная комиссия по детскому фольклору, быту и языку, инициатором которой явилась доцент Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена О.И.Капица. А в 1928 г. в Петрозаводске «Обществом изучения Карелии» при Государственном музее на русском и финском языке была издана одна из первых в стране «Программа для сорибания детского фольклора», написанная О.И.Капицей и обращенная к «народным учителям, работникам детских учреждений и вообще лицам, близко стоящим к детям» (ни в одной из научных библиотек, архивов Карелии Программа не сохранилась; ее ксерокопию мне прислали из Петербургской библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина). Одновременно ежемесячник Наркомпроса Авт. Кар. АССР «В помощь просвещенцу» поместил статью О.И.Капицы «Поэзия крестьянских детей», в которой говорилось о важности сорибания детского фольклора. О том, что Е.В.Ржановская руководствовалась ими, говорят разделы ее коллекции, о которой шла речь в самом начале очерка. Вчитываясь в нее, видишь не только тщательность, добротность выполненной собирательской работы, но ощущаешь, с каким упоением, даже наслаждением она совершалась. Информанты Ржановской — прежде всего ее ученики, и она, уча их слушать себя, свое слово, слово предков, сама училась у детей-языкотворцев. Названия «считалки-корялки» и «дразнилки-назывки» (так озаглавлены разделы) явно услышаны, заимствованы у детей.

На сегодняшний день большая часть коллекции опубликована мною. 33 текста были отобраны для книги «Проблемы детской литературы» (Петрозаводск, 1989). В собрании «Русский детский фольклор Карелии» с необходимыми комментариями помещен 181 вариант заонежского детского фольклора. 8 игр вошли в книгу для детей «Где цветок, там медок». И, наконец, 35 текстов составили публикацию в журнале «Русская речь» (1994, № 6). Разумеется, в оставшихся по разным причинам неопубликованных текстах есть и живая диалектная лексика, и добротная этнографическая основа, и детское речетворчество, и необыч-

ный ребячий взгляд на привычное. Приведу несколько таких текстов. Редкий вариант колыбельной песни, «байки»:

Богородица добра
Мни-ка Манюшку дата.
Спн-ко, Манюшка моя,
Богородица у тя.
Богородица-мать,
Приходи дитё качать.
Богородица Мария,
Усыпи дитё скорие.
Многомилостива,
Маню выrostила.
Как бы добра была,
Так и обрала б дитя,
Так и обрала б дитя,
Ды избавила б меня.
(*Пургино, 1929*)

В фольклористике детства мало обнародованных песен о Рождестве, о Христе. Варианты, записанные Ржановской, уникальны тем, что родившийся Христос видится детям сначала ребенком, и ведет себя, как ребенок. Для детей он «свой», они не дистанцируют его от себя, и в этом особая привлекательность этих текстов.

Христос рождаетца,
По печи катаетца,
Калиток дожидаетца.
В подпоу пау,
Молоко сбоутау,
По полкам рышет,
Калиток ищет.
На стую гребетца,
С робятами деретца.

Христос рождаетца,
По печи катаетца,
За стую гребетца,
С робятами деретца.
Ложки ломает,
В подпоу кидает.
Бегат мужичек,
Открывай сундучок,
Доставай пятакеш.
(*Кузаранда, 1934*)

Завтра Рожесто Христово,
Дають молочка пресного,
Дають штей мясных,
Пярогов прясных.

Значение коллекции детского фольклора Е.В.Ржановской сегодня трудно переоценить. Благодаря ей «приоткрывается» дверь в прекрасный детский мир Заонежья, мир, ныне, к сожалению, безвозвратно ушедший,

— пишет М.В.Балагурова. — Мое поколение было, по-видимому, одним из последних, кто еще воспитывался на шедеврах заонежского фольклора. Коллективизация сельского хозяйства изгнала из деревень Заонежья не только фольклор, но и самих крестьян. В Сенной Губе уже давно не слышно детских считалок и дразнилок, а в последние годы в деревне осталось лишь несколько местных детей. Например, в школе, вновь открытой там в этом году, — всего лишь два ученика. Жизнь быстро меняется, историю не переделаешь, но мы должны ее знать. В этом отношении творчество Е.В.Ржановской вносит свой посильный вклад в изучение фольклора Заонежья. Меня всегда удивляет заонежский «говор»: ударение на первом слоге большинства слов (влияние карельского языка?) и «у» в окончаниях и средине слов. Например, записанную Е.В. дразнилку мы, дети, кричали так:

Сиди там,
Шубу дам.
Кафтан сόшью,
В Питер пошлю.

Теперь редко услышишь такое произношение, разве что отдельные слова старых людей. А вот в 1963 году, будучи в Шунье, я услышала подлинный заонежский говор, напомнивший мне мое детство в Вырозере и в Сенной Губе. Там один старик рассказывал другому о случившемся с ним обмороке: «я шоу, шоу, да пау, пóтом вýстау да бóть пошоу» (19/Х-1989 г.).

Я уже упоминала, что некоторые мои корреспонденты и собеседники, вспоминая о занятиях Ржановской фольклором, говорили о сбираении пословиц, поговорок и примет, называли даже особую тетрадь. Поэтому я и обратилась к семье Ржановских в Медвежьегорск с просьбой поискать эту тетрадь в семейных архивах. В апреле 1988 года А.В.Ржановский привез старую, пожелтевшую от времени, без обложки общую тетрадь, испанную иногда с одной, иногда с двух сторон листа все тем же четким каллиграфическим почерком, но на сей раз карандашом. Это и есть дошедшая до нас коллекция Ржановской «Пословицы и поговорки», ее авторизованная рукопись. В ней 922 текста пословиц, поговорок, присловий и приговорок, систематизированных по алфавитному принципу. Обнаруженные в конце тетради записи личного характера (перечень расходов, программа радиопередач, другие факты) помогли мне определить предположительное время создания этой коллекции:

1930-1960-е годы. Рукопись передана мною в архив Карельского научного центра, где она составила коллекцию под № 183. 142 текста из этой коллекции опубликованы в качестве Приложения к моей статье «Е.В.Ржановская — собиратель русского фольклора Карелии» (сборник «Фольклористика Карелии». Петрозаводск, 1991). В ней заявлено: учительница из Заонежья Елизавета Васильевна Ржановская относится к числу таких собирателей, которые имеют право на самостоятельное место в истории фольклористики Карелии.

Можно ли, есть ли основания говорить о литературном творчестве Е.В.Ржановской? Сохранились, дошли до нас несколько разных в жанровом отношении вещей. Поэма 1939 года «Валерик на полюсе» с надписью «Посвящается племяннику Валерику Ржановскому» (Валерию Васильевичу, о котором я не раз уже говорила). Большая, на 11 страниц позма-фантазия о том, как Валерик, ведомый Папаниным, во сне оказывается на Северном полюсе и какие с ним происходят приключения. В этом, рассчитанном на узкое чтение, опусе есть несомненные поэтические достоинства: игра воображения, ощущение эпохи и ее восприятие ребенком, динамизм, событийность и то, что называют «безусловностью поэтической информации», которая так важна в стихах для детей:

Там, где ветры лишь воют,
Где метели лишь бушуют,
Среди вечной мерзлоты
И полярной темноты,
Там остался он один,
Затерялся среди льдин...
Без родных и без друзей,
В царстве ледяных полей...

Подборка стихов (50 стихотворений на 55-ти машинописных страницах) относится к 1961-1967 гг., когда их автору перевалило за 70.

Когда ребенком я была,
Любила я смотреть на кучевые облака,
Как в ветреные, солнечные дни
Несутся высоко над головой они
И незаметно тают, иль скрываются вдали...
(*Детские мечты*)

Зима... Покой и тишина.
Всю ночь на землю тихо падал снег.
И побелело все окрест.
А утром солнце засветило
И все вокруг позолотило.

Белее белоснежного белья
Была та снеговая пелена.
Подсиненная синевой небес
Она покрыла землю, поле, лес.
И жалко было мне своей ногой
Испортить этот белоснежный слой...

Всю ночь сегодня буря выла и стонала...
Уснуть спокойно и минуты не давала...

Когда болезнь меня одолевает
И мысль, что слепота мне угрожает,
Всю ночь мне не дает сомкнуть
С надеждой я шепчу тогда:
«Не падай духом, человек!»...

Если б книгу жизни
Я читать умела,
Разве б так жила я?
Разве б то я пела?
Если б знала твердо,
В чем ее конец,
Я б ладью направила,
Как опытный пловец...

Книга жизни у каждого есть, человек,
Отпечатан там каждый твой
жизненный след...

Увижу ль я свою деревню обновленной?
Порядок образцовый, чистоту...

Много стихотворений о космосе (первый полет в космос буквально потряс Ржановскую), о природе, много инвектив — «Хулиган», «Пожар», «Плохой пример», «Ты — Человек!»

Я специально сделала подборку, можно сказать, лучших строк из этих стихотворений Е.В.Ржановской. В одном из них она прямо говорит: «Нет! Я — не поэт! // Себя поэтом не считаю». И она не только не собиралась их печатать и предлагать в печать, но просила не делать этого своих близких, которые после ее смерти и создали машинописную копию. Именно поэтому считаю некорректным анализировать эти стихотворения, говорить об их недостатках. Важнее честно сказать, что все-таки это не поэзия, не художественное творчество, а человеческий документ, раскрывающий новые грани этой интересной и яркой личности.

Несколько другое — Дневник Ржановской, вернее то, что от него осталось. Почувствовав склад ее характера, непрекращающуюся, как говорил Л.Толстой, «тонкую внутреннюю работу», убеждена, что Дневник она вела постоянно. Много могло быть причин, что он не сохранился: случайных и не случайных. То, чем мы располагаем, это

несколько дней января 1949 года. Но как много вместили в себя эти страницы, как зримо представили послевоенное Заонежье, какие точные бытовые и этнографические реалии. В нем удивительная полнота жизни, поэзия повседневности, цельность нравственного взгляда и, наконец, несомненный повествовательный дар.

«11/1-49 г. Сенная Губа. Я дома, в своей небольшой теплой комнате. 11 часов вечера. У стола — елка. Красивая, нарядная елочка. Стоит на стуле, а два прошлые года стояла в корзинке для комнатных цветов. На елке самодельные блестящие игрушки: бусы, звезды, колокольчики, шары — все это из серебряной бумаги — все изделия своих рук. На ней шесть свечек. Зажигали: в 12 ч. при встрече Нового года, 7 янв., и еще осталось на 14 янв. (старый новый год). Как все это напоминает счастливое, невозвратное детство. <...> Может быть, несколько наивно, смешно... Пусть. Кого и чего мне стыдиться? Мне, в 61 год...

Читаю В.Инбер, прозу — «Почти три года». Ленинградский дневник 41-43 годы. Нравится, что пишет так просто. Ничего лишнего, одна жизненная правда. Надо бы прочесть ее «Пулковский меридиан». Читаю много, все, что могу найти в библиотеке... Читаю дневник Инбер и вспоминаю эти годы, как сон. Отъезд в эвакуацию, дорога почти 3-х месячная на Урал в Молотовскую область, жизнь в Ошье полтора года, переход в 1943 г. в Шуерецкое в Карелию и обратно в 1944 г. в родную, разоренную Сенну Губу, в свой старый родной дом, в свою прежнюю комнатку. <...>

12/1-49 г. Половина первого. Паша в школе на 4-м и 5-м уроке. Топится в комнате плитка. На улице падает снежок. Приятно! В этом году зима на удивление: до сих пор шли оттепели. Снегу не было, темно, черно и сырь. Третий день на улице бело, и мы рады. Всё дуют западные и юго-западные ветры, и очень сильные, порывистые. Вот-вот ждешь, что рассыплется наш сруб. Так дом и дрожит. Все покривилось на дворе, иходить по нему жутко. На днях А. подпер тренажи столбами, но ненадежный плотник, ненадежна и работа.

Пишу урывками. Сегодня у меня стряпня — «кашники» (пироги с кашей, заонежск. — С.Л.), и приходится все время следить, чтоб не пригорели. А на плите все кипит: суп, картошка, чай и каша... Сегодня у нас сытный обед. Во-первых, мясной суп. Конечно, не такой, как в прежние годы, но все-таки мясным духом пахнет. Во-вторых, вареный картофель (неизменное наше блюдо). И, наконец, чай с «кашниками» и вареным сахаром. Такие обеды, конечно, не час-

то, но в общем теперь не голодаем. Плохое осталось позади.

Читаю все, что увижу нового в библиотеке. Иногда перечитываю старое. Придет Фаня, расскажет новости, посмеемся. Сегодня, впрочем, кино — два раза в зиму приезжает из Великой Губы. Но в клубе холод, и ходить боюсь. Здоровье пока еще ничего, берегусь, конечно. Надо прочесть «Известия». Взяты за весь 48-й год. Едва-то я притащила из библиотеки! Килограмм 10 весом. Читаем больше о биологической науке (см. выше о брате-генетике. — С.Л.). Кроме газетных статей, ведь ничего у нас нет. Радио нет во всей Сенной Губе. Телефон работает с перебоями по месяцу и больше. Правда, почта ходит два раза в неделю, и вчера получила «Ленинское знамя» только за 1-е января, а сегодня 12-е января. Есть хорошая статья Эренбурга «Своей дорогой». С удовольствием прочла...

Шесть часов вечера. Опять завыл и загудел ветер. Прямо невыносимо. Все лето дул северный и северо-восточный ветер и было холодно. А сейчас наоборот. Интересно, что будет этим летом. Не нравится мне такое состояние погоды. Уж если бунтует природа... Только что записала об этом, как прочла в дневнике Инбер о том, что перед войной родилось очень много грибов. <...>

13/1-49 г. Четверг. Завтра «старый новый год», и сегодня Васильевский вечер. Справляют «васильевщину», т.е. складчину устраивают: варят в масле пироги и жидкую кашу. Надо выяснить: укоренился ли этот обычай до сих пор. А в разговоре остался в памяти.

Есть слух, что сюда в колхоз везут переселенцев — 107 семей в наш сельсовет. Откуда и каких, неизвестно. Как только разместят? Итак у нас уплотнено население в связи с бывшей оккупацией. <...> Ведь от Маталова до Конды нет населения — дома полуразрушены. Все живут в Сенной. <...>

Какое-то неудовлетворение чувствую всю жизнь. Что-то будто должна делать, сделать и не смогла. Так и сейчас — будто не то делаю, что мне надо. Кроме чтения, ничего не хочется делать. Закончила «Почти три года» В.Инбер. Читаю рассказы про детей. <...>

7 ч. вечера. Сегодня собираемся зажечь последний раз елочку, дожеч свечи. Поэтому будем делать пирожки с сахарным песком. Сегодня продавали в ларьке песок. У нас теперь есть ларек (бывшая финская башня) и магазин «Люкс», как я величаю его. Лонгасы с его белыми зданиями и новый роскошный магазин взорваны. Остался один маленький домик Вересова. Страшно было там, когда мы приехали. Кирпичи, об-

горелые бревна, сгоревшая до воды пристань, остов сгоревшей моторки и проволока, проволока колючая. Столбы и проволока... Сейчас пристань выстроена, три новых домика, метеостанция... и все. Не прежние Лонгасы, наши «Лондон», как звали их до войны. А наша Сенная Губа? Вспоминаю первое время, как мы вернулись из эвакуации. Дома без дверей, с окнами без стекол и колючая проволока. Сколько юбок вырвано о нее, сколько царапин на руках. Помню один только узенький проход. Кажется, все поцарапались и порвались. А трава — «колючки» выше человеческого роста. И среди нее узенькая тропочка, как в глухом лесу идешь по деревне. И ступить мимо нельзя: возможно, мины. Вспоминаю, как на другой день приезда я шла в Плещки проведать Пелагею Андр. Амосову, которая скоро и умерла. Иду по тропочке среди травы, и ничего кругом не видно. Это среди деревни. Жутко! Рассказывал Ларионов В.Д. из д. Вертилово, как они первые приехали на моторке из Петрозаводска. Подъехали к деревне, а деревни и не видно, такая высокая трава, репейник. Пришлось взять косу, которая у них оказалась, и прокосить наугад дорогу к первому дому. Иначе попасть нельзя. Странная жизнь была тогда. Одна лошадь на весь с/совет, одна корова (у наших). Пять-шесть колхозниц в единственном Сенногубском колхозе. Сейчас их три, а раньше было десять. Да некому и работать. В деревне по 2-3 человека. <...>

14/1-49 г. Половина седьмого вечера. Опять сильный шалоник и вьюга. Настроение скверное, действует погода. Сегодня закрывала снегом завалинки, а снегу очень мало, и к тому же вьюжит. Пили чай. Была сейчас учительница Х. Сейчас она работает здесь в первом классе, с семилетками. Новые учителя! Но если правду сказать, новогодний советского в них очень мало. <...>

Закончила книгу Панова «Боцман с Тумана». Из жизни разведчиков в Отечественную войну. Когда-то я ее читала. На северном побережье Норвегии, в тылу немцев, в диких горах наши разведчики. Наблюдательный пункт на неприступном утесе «Чайкин клюв», спускающийся отвесными скалами в океан. Так все и рисуется перед глазами. На Мурманских скалах я бывала, как и на Кавказских горах, поэтому представляю все это. И под ногами бушует вода. Где это было? Да, на восточном побережье Крыма. Чародаг. Вспоминаю. <...>

Одна. Тихо. Так красиво кругом. Это мое любимое занятие. Для всех странно, особенно для приезжих. Свои-то привыкли. Часто слышишь: «Глядите-то, старуха удит». Интересно: долго ли еще смогу удить? Жутко,

если и это последнее мое удовольствие прекратится из-за старости. Но этого времени я пока не представляю, видимо, еще жизненные силы есть, плохо себя не чувствую. <...>

Сейчас много говорят и пишут о воспитательной работе в школе. Директор нашей семилетки предложил мне сделать доклад. <...> Но вот что это за уроки воспитания, для меня это ново. Какие могут быть отдельные уроки воспитания? Не мыслю. Главная работа по воспитанию, мне думается, проводится через предмет. Но предмет не ограничивается проведением уроков. Я смотрю на предмет как на массу самостоятельных детских работ и заданий — наблюдения, экскурсии, лабораторные работы, доклады и т.д. На проведении этих самостоятельных работ главным образом и воспитывается ребенок! <...>

Без 20 мин. 12 час. ночи. Ложимся спать в час ночи, иногда раньше. Прочитала сегодня книгу Вирта «Сталинградская битва» — литературный сценарий. Узнала, как работали в ставке в Москве, Василевский разрабатывал планы по указанию Сталина. В ставке разгроме участвовали Воронов, Рокоссовский, Ватутин, Толбухин, Еременко. Уточнила обстановку боев. Раньше я прочла «Дни и ночи». Какая страшная картина боя за каждый метр. <...>

День прошел тихо, спокойно. Ходила в магазин за керосином, кот. находится на Татьце, в избушке за родником. Кругом не замерзает. Погода теплая и напоминает весну. <...>

15/1-49 г. Воскресенье, без 20 м. 9 ч. вечера.

Погода тихая, мягкая. В комнате жарко. Была в библиотеке. Взяла книги Диковского (вероятно, рассказы С.В. Диковского. — С.Л.) и Горького «Матвея Кожемякина». Последнюю надо перечесть. <...>

Сегодня топили в кухне печку, стряпали. Так прошел весь день. Сегодня у нас «приемный» день. Обычно к нам ходят мало. Но выпадают такие дни, что одни уходят, приходят другие и все больше за деньгами. Настроение плохое. Нервирует еще недостаток чая, т.к. допиваю последнюю осьмушку. В сельпо чая нет. В Петрозаводск дорога только через Кяппесельгу, и не ездит никто. Без чаю не знаю, как буду проводить время. Тоскливо. <...> Ну, ладно. Надо дочитать охотничьи рассказы. Жизнь и природа Уссурийского края (вероятно, имеются в виду «Дерсу Узала» и «В дебрях Уссурийского края» В.К. Арсеньева. — С.Л.). Дико и красиво.

17/1-49 г. Половина одиннадцатого вечера. У наших играет патефон. Были ряженые. Сенногубская молодежь — девушки.

Отплясывали в столовой. Около 4-х ч. вечера явился Валерик. Не ожидали так рано. Сдал досрочно экзамены на отлично. Молодец!

Занята была целый день стиркой. Болят ноги и руки — ревматизм. (Далее вырвана страница, на которой, вероятно, были какие-то воспоминания. — С.Л.)... Я помню: шли с Пашей раз через поле. Где-то строили пулемет, и мы говорили: будет ли то счастливое время, что мы не услышим больше звуков войны. Это 1919 год. Дальше, через 20 лет, Финская война. Впервые были эвакуированные у нас, т.е. вернее, ехали через Лонгасы. Уже стоял гул от далеких выстрелов, летали вражеские самолеты. И, наконец, через 2 года Отечественная война. Эта война уже коснулась самого сердца. Пришлось бросить дом и все, что там было. Эвакуация. Далекий тыл. Тоска по родине. Смерть сестер, Володи. А ужасы войны: канонада, не прекращающаяся ни днем, ни ночью. Пожары кругом... Рокот самолетов. Но все это кругом... Взрывы где-то... В Сенней этого не было. Около Петрозаводска и по линии железной дороги. Затем дорога в барже до Надвониц, погрузка в эшелон, и месяц езды в товарном поезде в Молотовскую область. Там на лошадях 70 км в страшный мороз. Жизнь в Ошье у Кирилловны и у Журавлевых (1,5 г.). Затем вызов в Карелию. Обратная поездка летом 43 г. уже в пассажирском поезде. Жизнь в Шуерецком у Леонтьевны. Голод. И, наконец, осенью 44-го г. возвращение в Сennую.

21/1-49 г. 12 ч. дня. Варю обед, пью чай и одновременно пишу. Пахнет корюшкой, т.к. жарю ее. Пришла почта. Газеты от 5,7,8,9 и сразу 18 и 19 января. Потом придут пропущенные номера. Коротко просмотрела.

22/1-49 г. 10 ч. вечера. Север, и выюжит, но у нас тепло, «завитерь». <...> Читаю В.Некрасова «В окопах Сталинграда». Веет молодостью, задором. Хорошо и приятно, когда сразу читаешь о знакомом еще рань-

ше. Уточняешь и ясней представляешь обстановку, напр. о Сталинградской обороне. За это время прочла несколько книг об этом, и если бы нашлись еще, прочла бы с удовольствием. <...> (Дневник печатается с незначительными купюрами).

Вот так пребывала Елизавета Васильевна Ржановская в своей главной — учительской — ипостаси. Занятия фольклорные, литературные занятия — это воплощавшаяся ею возможность быть человеком непрерывного знания, непрерывной культуры. Я не люблю слово «энтузиаст». В нем есть что-то публичное, показное, откликающееся на какие-то внешние обстоятельства, побуждения. В нем нет органики, внутреннего двигателя. Для Ржановской больше подходит — подвижник. Подвижник — это от собственного нутра, внутренней потребности. Подвижничество — это состояние души. Оно сродни донкихотству. Ржановская — учитель из глубинки, но никак не провинциальный, потому что провинциализм — понятие не географическое. Я встречала вполне провинциальных московских учителей. И она настоящий интеллигент, если понимать под этим словом в числе разных слагаемых способность мыслить самостоятельно и независимо, жажду знаний и потребность передавать их. Ржановская, безусловно, относится к тем замечательным рядовым деятелям народного просвещения, благодаря которым держалась культура и нравственность в провинциях России. Мы мало знаем таких имен, мы плохо помним их подвиг. Мне кажется, это и о них сказал поэт Д.Самойлов: «Ценность и достоинства личности следует измерять только по ценности ее духовного и материального (которое в идеале тоже духовно) производства, никоим образом не измеряя ее шкалой государственной субординации».
